

Мы — с Малой Земли

Хамитов Камиль Мифтахович родился в июле 1919 года в деревне Ибраево нынешнего Кугарчинского района Башкортостана в крестьянской семье. Окончил в родной деревне семилетнюю школу, в 1936 году поступил в Уфимский педрабфак, завершив который с отличием стал студентом исторического факультета Башгоспединститута.

В декабре 1939 года был призван в армию. Служил в Одесском военном округе в 69-м артиллерийском полку легендарной 25-ой дивизии им. Чапаева. Начало войны встретил на румынской границе. В 1941 году окончил курсы усовершенствования командного состава.

Участвовал в Великой Отечественной войне с первого ее дня — с июня 1941 года и до последнего — в 1945 году, воевал на Юго-Западном, Северо-Кавказском и Четвертом Украинских фронтах, в Прикарпатском военном округе. С июля 1941 года — командир взвода проводной связи 460-го батальона аэродромного обслуживания 32-го района авиабазирования, Юго-Западного фронта, был ранен в руку. С 15 августа 1941 года — командир штабного взвода 232-го отдельного оперативного батальона связи, 32-го района авиабазирования, Юго-Западного фронта. С июня 1942 года — преподаватель связи курсов младших лейтенантов 12-ой армии Юго-Западного фронта. С ноября 1942 года — командир взвода курсов младших лейтенантов 18-ой армии Северо-Кавказского фронта, был ранен в обе ноги. С 23 января 1943 года — преподаватель связи курсов младших лейтенантов 18-ой армии 1-го и 2-го Украинских фронтов.

В 1943 году ему было присвоено звание капитана.

Награжден орденом “Красной Звезды” в 1944 году, медалями “За боевые заслуги”, “За оборону Кавказа”, “За победу над Германией”. Участвовал в знаменитой битве за Малую Землю, что под Новоросийском. Завершил войну в Чехословакии в чине капитана войск связи на должности коменданта чешского города Всетин (Моравия), освобожденного знаменитой Бригадой имени Яна Жижки под командованием Даяна Мурзина.

В течение лета 1943 года в качестве командира подразделения связи мне несколько раз пришлось бывать на Малой Земле, координировать действия связистов Большой и Малой Земли. Известно, что на Малую Землю можно было попасть лишь морем. Ежедневно с наступлением темноты с Геленджикского порта отправлялся караван судов по направлению мыса Хако. Поскольку караван плыл вдоль берега, занятого врагом, двигались с потушенными огнями, даже запрещалось курить. Нередко этот рейс приходилось выполнять в 4—5-бальный шторм. По достижению нужной отметки суда останавливались в открытом море, после чего люди, боевая техника и продовольствие перегружались на плоскодонные мотоботы, которые с ревом доставляли все это на берег. Услыхав этот рев, противник через головы малоземельцев открывал интенсивный артиллерийский огонь, мощные прожектора начинали полосовать поверхность моря, стараясь поймать мотоботы и баржи десантников. Снаряды падали то справа, то слева, поднимая огромные фонтаны воды. Но как сегодня у меня перед глазами строгое и спокойное лицо рулевого матроса, который ухитрился вести мотобот среди разрывов снарядов, двигаясь зигзагами, маневрируя, подчиняясь лишь ему доступному чувству. Однако, надо прямо сказать, не всем удавалось благополучно достигнуть заветного берега. Помню, как тихходная баржа оказалась в перекрестке лучей прожекторов и в него попал снаряд.

По мере приближения к берегу звучит команда “Прыгай!”. Оказавшись в воде, ты должен спешить к берегу под защиту береговых скал. И тут было все предусмотрено — матросы, находясь по пояс в воде, каждого брали на руки и направляли к берегу. Скольким они спасли жизнь, эти безымянные герои, добросовестно выполнявшие свою опасную работу по приемке очередного десанта.

Через день в бункере начальника штаба было проведено совещание офицеров, где была поставлена конкретная задача: “Подавить артиллерийские батареи противника, которые обстреливали место высадки наших войск”. Для осуществления этой задачи нужно было поддерживать бесперебойную связь между командным и наблюдательными пунктами и артиллерийским дивизионом, расположенным на побережье. Наблюдательный пункт располагался в районе бывшего винодельческого совхоза “Абрау-Дюрсо”, куда под покровом ночи мы протянули две пары проводов.

На утро началась артиллерийская дуэль и в самый острый момент, когда надо было открывать беглый огонь на поражение, связь оказалась порванной. Необходимо было немедленно двигаться по линии с тем, чтобы устранить обрыв. Я, взяв с собой трех бойцов, отправился по линии. В начале мы двигались по ходам сообщений, однако недалеко от НП наш путь перерезала широкая лощина, которая из конца в конец простреливалась кинжальным огнем противника. Младший сержант Клоков, взяв в руки кабель, вызвался перебежать лощину. Однако, не успев пройти половину пути, был сражен пулеметной очередью. Рядовые Кудин и Чурилов обратились ко мне с просьбой разрешить им идти вдвоем, на некотором расстоянии друг от друга, вызывая огонь врага на себя. При виде этой самоотверженности рядовых солдат у меня на глаза навернулись слезы, к горлу подкатил комок. Но, тут же взяв себя в руки, я им сказал, что разрешить этого не могу, не решился я послать молодых ребят. Объявил, что по линии пойду я сам. Их попросил держать под постоянным прицельным огнем пулеметную точку врага. Разул сапоги и ринулся вперед. Бежал зигзагами, через

каждые 5—6 секунд камнем падал в канаву или воронку, взорванную снарядом, наконец, достиг места порыва проводов и стал их стягивать для соединения. Благо, провода предусмотрительно были проложены свободно. С трудом, но соединил. Связь была восстановлена.

На самом левом фланге

Начал службу в 1939 году красноармейцем 69-го артиллерийского полка, 25-й Чапаевской стрелковой дивизии. Окончив полковую школу, стал командиром отделения связи. Войну встретил на румынской границе, недалеко от бессарабского города Болград. С первых дней пришлось выдержать бешеный натиск немецко-румынских войск. И мы, избегая окружения, вынуждены были с боями отходить к Одессе. Самое неприятное было то, что наша полевая артиллерия была на конной тяге. В условиях, когда чуть ли не ежечасно повторялись воздушные налеты, некуда было прятать лошадей, и вскоре они почти все оказались выведенными из строя.

На подступах к Одессе я, к тому времени уже младший лейтенант, во главе сводного взвода из 26 человек получил приказ перекрыть шоссе на дорогу, идущую из Тирасполя. Под покровом ночи на возвышенной части дороги заняли оборону. Успели вырыть неглубокие стрелковые ячейки. Единственную 122 метровую гаубицу спрятали в высокой пшенице слева, противотанковые орудия установили у самой дороги справа. Проходили минуты в напряженном ожидании. Вот над нашими головами пролетела эскадрилья немецких “юнкерсов” в сторону Одессы, над городом они выбросили десятки осветительных ракет, которые в предутренней мгле ярко освещали местность, медленно опускаясь на своих парашютах. “Если бы все это не несло смерть, то было бы красиво”. Не успел я так подумать, как раздались первые взрывы, вместе с тем заработали наши зенитки, вражеские самолеты оказались среди трассирующих пуль и разрывов зенитных снарядов. Вот один из “юнкерсов” как-то наклонился, затем дважды перевернулся, с него повалил густой дым и он, объятый пламенем, рухнул в море. Мы, наблюдавшие эту картину, дружно крикнули “Ура!”. Это как бы сняло с нас усталость, и мы приготовились встретить врага, стоять насмерть.

Ждать пришлось недолго. С рассветом с противоположной возвышенности показались немецкие мотоциклисты — разведчики. Я приказал без моей команды не стрелять, у меня возник план — пропустить разведку врага и прикончить ее в овраге, что позади нас. Для этого отделению младшего лейтенанта Кудина следовало по пшенице отойти чуть назад. Тут произошло недоразумение. Младший политрук, находившийся в это время на правом фланге, видя что младший сержант Кудин со своим отделением начал отход, преградил им дорогу:

— Ни шагу назад!

Ему объяснили, что это мой приказ. Политрук, запыхавшись, подбежал ко мне. Узнав в чем дело, буркнул:

— Ну войой, как знаешь!

В это время немецкие мотоциклисты, рассматривавшие в бинокль впереди лежащую местность, с ревом ворвались и понеслись по дороге. Вот они пролетели мимо нас. Отделение Кудина ударило им в спину. Семь мотоциклистов с пулеметчиками на люльках смешались в кучу, оставшиеся в живых открыли беспорядочный огонь, в небо полетела серия разноцветных ракет. Это, очевидно, было сигналом. Танки, появившиеся из-за той же возвышенности, на

пригорке открыли по нам бешеный огонь. Один вражеский танк, вырвавшийся вперед, был подбит первыми же выстрелами из нашей гаубицы и противотанковой пушки. Однако враг не обнаружил нас. Правда, немцы уже не лезли, но их огонь ежеминутно нарастал, мы оказались среди разрывов снарядов и мин, все заволокло дымом и пылью. Надо было что-то предпринимать. Мои товарищи считали нужным начать отход. Однако я знал, что это бы означало верную гибель всех нас. Для того, чтобы уберечься от артиллерийского налета, нужно было двинуться навстречу противнику, как бы “прижаться” к его позиции. Младший политрук Карнауков согласился со мной, и мы ползком двинулись вперед и, действительно, через 150—200 метров оказались на той стороне лощины, вражеские снаряды пролетали через нас. Попытку противника двинуться вперед мы снова встретили дружным ружейно-пулеметным огнем. Действовала и противотанковая пушка, а гаубица прямым попаданием вместе с расчетом из трех человек взлетела в воздух. Этот бой длился весь день. Враг на нашем участке не прошел. К вечеру наш наблюдатель, выдвинувшись далеко вперед сообщил, что противник подтягивает силы, он насчитал свыше 50 танков, по параллельной дороге справа давно уже движутся немецкие машины. Следовательно, мы можем оказаться прижатыми к морю, а это означало попасть в плен. Нет, нет! Только не это! Учитывая, что приказ командования нами выполнен, вместо двух часов нам удалось задержать немцев на целый день, мы проселочными дорогами двинулись к своим. К утру мы достигли переднего оборонительного рубежа красавицы Одессы. Оказалось, что нас уже считали погибшими, многие очень переживали. Наше появление, хоть и в половинном составе, вызвало бурю радостных эмоций. Через полмесяца приказом командующего мне было присвоено досрочно звание лейтенанта. Через месяц я получил самую высокую для себя награду — медаль “За боевые заслуги”.

Одесса еще не была полностью окружена. На нашем участке обороны противник, получив решительный отпор, приостановил свое наступление. Но усилил бомбардировки. Мы ежечасно подвергались волнообразным массированным налетам вражеской авиации.

Был конец июля 1941 года. Нещадно палило солнце. Не было воды. Оставшуюся в флягах мутную жидкость разрешалось пить лишь по одному глотку. От сухарей, которые время от времени жевали, во рту было сухо, от чего еще больше неприятно. Вот, издавая резкий вой сирены, на бреющем полете пронеслись три немецких стервятника.

— В укрытие! — слышалась команда.

— “Хейнкель 111”, — определил я вслух.

Присев на дне окопа, я не отрывал глаз от самолетов. Штурмовики, сделав над нами круг, повернули в сторону моря. Тут у меня возникла мысль применить все виды оружия для стрельбы по самолетам, тогда бы они так безнаказанно не летали. Поделится своими мыслями с начальником штаба полка, капитаном Тимошенко. Капитан Тимошенко ничего не сказал, однако меня поддержали капитан Полонский и старший лейтенант Оринич.

В это время немецкие штурмовики начали прочесывать порт, поливая все вокруг свинцовым огнем. Но тут, как по мановению волшебной палочки, ожил весь берег моря, десятки зенитных батарей, запрятанные в прибрежных утесах,

открыли настолько интенсивный огонь, что “хейнкели” заметались, как звери, попавшие в ловушку.

— Есть один! — крикнул капитан Тимошенко, смотревший в бинокль.

— Готов второй!

Третий, подавшись в сторону моря, исчез из виду, но снова появился и, пролетая над нашими окопами, беспорядочно разбрасывал оставшиеся бомбы.

На бруствере появился старший лейтенант Сергеенко, мой любимый командир роты. Я, чувствуя недоброе, ринулся к нему, хотел стащить его в окоп, однако не успел... Пронзительный вой сирены заглушил мой голос. “В пике пошел”, — мелькнуло у меня в мозгу. “Сейчас послышится более пронзительный свист — звук разрезающей воздух бомбы, затем грохот разрыва”, — все это пронеслось в голове в какие-то доли секунды и я камнем упал, отброшенный огромной силой взрыва, контуженный, с зияющей раной в предплечии... Затем было несколько месяцев, проведенных в госпитале, и снова в строй. Однако в свою 25-ю Чапаевскую дивизию я уже не попал.

Далее в составе 12-й, затем 18-й армий я участвовал в боях на рубежах Днепра, Донбасса, Ростова-на Дону и на Кубани. К тому времени я окончательно специализировался как связист, командовал взводом управления, затем ротой связи. Мне не пришлось с винтовкой на перевес идти в штыковую атаку или же стрелять прямой наводкой по танкам, я выполнял свою скромную обязанность — обеспечивал бесперебойную связь командира части с нижестоящими подразделениями. Если учесть, что в то время у нас почти не было портативных раций, если где они и были, то работали очень не устойчиво, основная ставка была на проволочную связь, то не трудно понять, что дело это было очень не легкое.

Мне и моим людям неоднократно приходилось возвращаться на оставленные уже позиции, чтобы забрать имущество связи, многократно выходить из окружения — если все это подробно рассказать, то получился бы не один книжный том.

Летом 1942 года я получил новое назначение командиром.

Незабываемые встречи

Восемнадцатая армия была единственной, которую в годы Великой Отечественной войны называли десантной. Однако она была не только десантно-морской, но и сухопутной, и горной. Воины армии воевали на полях Молдавии и Южной Украины, в Донбассе, отстаивали Кавказ, обороняли северо-восточное Туапсе. Затем штурмовали Новороссийск и Керчь, преодолевали Карпаты, брали Низкие и Высокие Татры. Короче, мы прошли очень большие расстояния.

С начальником политотдела армии, полковником Леонидом Ильичем Брежневым мне, как командиру подразделения связи, особенно часто приходилось встречаться в период 1942—1943 годов, когда шла ожесточенная битва за Кавказ.

Леонид Ильич регулярно проводил короткие инструктивные совещания, где присутствовали не только старший, но и средний командный состав. Информировал нас о положении на фронтах, о борьбе партизан в тылу захватчиков, говорил о международном положении, требовал, чтобы мы все это довели до сознания каждого бойца, укрепляли в нем уверенность в нашей окончательной победе. Одновременно выслушивал нас, интересовался нашими делами, самочувствием и настроением бойцов. Вместе с тем на переднем крае армии, в том

числе и на “Малой Земле”, не было такой бригады и полка, в боевых порядках которых не побывал бы тогда начальник политотдела. Особое внимание он уделял тем частям, которые готовились к проведению десантной операции.

Помню митинг, проведенный в одном из полков 318-ой стрелковой дивизии, которому предстояла десантная операция. Перед бойцами выступал секретарь Военного Совета капитан Марфин. Говорил он о той большой чести, которая выпала на долю десантников, одними из первых штурмовать Новороссийск, твердыню Черного моря, гнать фашистскую нечисть из родной земли.

Все, безусловно, было правильно, однако лица бойцов оставались сосредоточенными. Тут подъехал Леонид Ильич. Он понимал душевное состояние бойцов и заговорил, вроде, как бы по-свойски. При этом подробно обрисовал оперативную обстановку, осознавая, что причиной тревожных дум прежде всего бывает неосведомленность. В то же время не забывал о так называемых “мелочах”, в частности, советовал десанникам взять с собой в вещмешках побольше патронов, так как опыт предыдущей высадки показал, что немалая часть патронов и гранат, мин, находившихся в ящиках, затонула при выгрузке. Далее рассказал о мощной огневой поддержке десанта, об обеспечении плавсредствами, о путях эвакуации раненых, о походных кухнях — короче, именно такой душевный разговор и нужен был, чтобы укрепить уверенность солдат и офицеров в себе и в том, что в любом случае командование не оставит их без помощи.

В конце своего выступления Леонид Ильич предупредил, что, высадившись, ни в коем случае нельзя задерживаться на берегу, каждый метр которого пристрелян врагом, надо немедленно двигаться вперед, быстрее преодолеть зону противодесантной обороны.

* * *

У меня как сегодня перед глазами случай, когда мне пришлось вместе с Леонидом Ильичем плыть на одном корабле на “Малую Землю”. Было это в августе 1943 года. С наступлением ночи с Геленджикского причала караван кораблей и мелких судов отправился на “Малую Землю”. Поскольку значительное время приходилось плыть вдоль берега, занятого врагом, то каравану пришлось углубиться подалее в море. Поднялся шторм, достигавший силы 5—6 баллов. Небольшие корабли с ревом взбирались на гребень огромной волны и оттуда с грохотом летели в пропасть. Мы все пластом лежали на палубе, крепко вцепившись в канаты и держась друг за друга. При очередном провале между волнами кто-то вскрикнул, кто-то выругался.

— Тише! Товарищ полковник услышит. — Эти слова подействовали магически. Все повернули головы на нос корабля, где сидел, устремившись вперед, Брежнев. Все как-то внутренне подтянулись, готовые выполнить любой приказ любимого начальника политотдела.

Достигнув линии “Малой Земли”, корабли встали на якорь. Благо ветер стал затихать, это помогло ускорить перегрузку всего груза и перевод людей на мотоботы и катера. Первые катера с ревом двинулись к берегу. Тут начался тот ад, который сопровождал почти каждую высадку — немцы вели артиллерийский обстрел. Снаряды, выпущенные наугад, рвались то с одной, то с другой стороны мотобота.

Прозвучала команда:

— Выйти из-под обстрела!

Мотобот повернул к морю. Однако тут же последовала команда:

— Только вперед!

Мотобот рванул в сторону берега. Нас несколько раз выхватывали из крошечной тьмы лучи прожекторов, то там, то здесь вздымались от разрывов столбы морской воды. Вода была повсюду: и внизу, и наверху, и во рту. При приближении к берегу обстрел еще более усилился. По чьей-то команде мы все попрыгали в воду. Вода оказалась кому по пояс, кому по горло. Однако, тут на встречу нам шли моряки-малоземельцы, которые помогли каждому выкарабкаться на берег и укрыться под скалами. От чрезмерного напряжения и холодной воды в нас все дрожало. Начало светать.

— Выше головы, товарищи! Веселее! — эти слова полковника, который вместе со всеми пережил весь этот ад, и его широкая улыбка вновь вернула нам силы, помогла обрести уверенность в том, что все, что делается, делается правильно.

Посещение начальником политотдела полков и бригад на позициях, беседы с солдатами и офицерами еще более цементировали ряды малоземельцев, что было очень важно перед решающим штурмом Новороссийска.

Малая Земля!.. Там не было ни метра площади, где бы не взорвалась бомба, мина или снаряд. Семь месяцев вражеские пушки и самолеты вдоль и поперек перепахивали этот клочок земли. Там не осталось ни деревьев, ни травы. Но она стала Родиной мужества и отваги солдат и матросов, офицеров и генералов Советской Армии.

* * *

Не могу не вспомнить еще один эпизод, связанный с деятельностью Леонида Ильича Брежнева на фронтах Отечественной войны. Было это в начале октября 1944 года. Наша 18-я армия, приняв активное участие в изгнании немецко-фашистских войск из Украины, перешла государственную границу и приготовилась к преодолению перевалов Восточных Карпат. Мы получили приказ наступать на Ужгород. Однако наша армия наткнулась на сильно укрепленную линию обороны — так называемую “Линию Арпада”.

Несмотря на высокий наступательный порыв, наши первые атаки захлебнулись. Мы были вынуждены остановиться. Как дальше быть? Среди офицерского состава мнение было почти единодушное: “Нужно поднять артиллерию. Затем начать штурм!” Тут из уст в уста передавали разговор начальника политотдела, теперь генерала Леонида Ильича Брежнева с новым командующим, генерал-лейтенантом Журавлевым. Выслушав соображения на счет штурма “Линии Арпада”, Леонид Ильич сказал:

— Нет! Штурм в лоб потребует много жертв. Сейчас я за десятки “фрицев” одного бойца не отдам!

Стало очевидно, что предложение товарища Брежнева было принято. На другую ночь, отодвинувшись несколько назад, мы двинулись по направлению города Мукачева, откуда ударили во фланг немецко-мадьярских войск. “Линия Арпада” пала. Ужгород был взят почти без потерь.

Все дальше уходят в прошлое огневые годы. Но сколько бы не минуло лет, память о них жива.